

Е. А. Мельникова

ВАРЯГИ, ВАРАНГИ, ВЭРИНГИ:
СКАНДИНАВЫ НА РУСИ И В ВИЗАНТИИ

Понимание летописного слова “варяги” как обозначения скандинавов мало у кого ныне вызывает сомнения¹. Можно уточнить, что его основное содержание было сугубо этническим: это было как собирательное название всех скандинавских народов, так и каждого отдельного их представителя безотносительно к тому, находился ли он на Руси или дома. Появление термина мы связывали с возникшим в конце IX — начале X в. противопоставлением скандинавов, занявших в середине IX в. в соответствии с договором-рядом положение князя и великокняжеской дружины, т.е. собственно “руси”, вновь прибывающим скандинавам, выступающим в основном в качестве наемников в княжеских дружинах². Близкое соответствие этнониму “варяг” в древнескандинавских языках — *væringi* (мн. ч. *væringjar*) — считается его исходной формой, причем недавно объяснение фонетически уязвимых мест (в частности, соотношения др. сканд. -æ- др. рус. -а- в корне слова, а также суффиксальных гласных -ing и -яг) позволило Г. Шрамму обосновать раннюю дату заимствования, не позднее середины IX в.³

Однако кроме фонетических сложностей надо отметить и содержательный парадокс в соотношении “варяг / *væringi*”. Во-первых, это слово не встречается в древнескандинавских текстах до середины XI в., т.е. в ранних скальдических стихах и в рунических надписях⁴. Во-вторых, с момента своего появления и далее оно обозначает не тех воинов и купцов, которые бывали на Руси, а исключительно скандинавских наемников в Византии. Но “варяжский корпус” в Константинополе формируется лишь в конце IX — начале X в.⁵: отправным моментом его создания традиционно считается 980 г., когда, согласно “Повести временных лет”, Владимир отправил часть непокорных варягов в Константинополь. Возникновение же императорской гвардии — отряда варангов (βαράγγοι), служивших императорскими телохранителями, относится к началу XI в. Таким образом, время появления слова в древнескандинавской литературе и его значе-

© Е.А. Мельникова, 1998

¹ Обзор существующих точек зрения см.: *Schramm G. Die Waräger: Osteuropäische Schicksale einer nordgermanischen Gruppenbezeichnung // Die Welt der Slawen. 1983. Bd. 28. S. 38—67.*

² Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X—XI вв.: к истории названия “варяг” // *Славяноведение. 1994. № 3.*

³ *Schramm G. Op. cit.*

⁴ Лишь в двух надписях встречено имя собственное, которое может быть идентифицировано как *væringr: uirikR* (Ög.111) и *uerekR* (Ög.68), причем вероятно, что в обоих надписях речь идет об одном и том же человеке. Однако отождествление этого имени со словом *væringi* сомнительно, поскольку существовало и было распространено личное имя *Verfkr*, имеющее то же самое написание в руническом письме.

⁵ Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // *Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908; Blöndal S. Væringjasaga. Reykjavík, 1954.*

ние соответствуют его употреблению в византийских источниках, но никак не согласуются с его хронологией и семантикой на русской почве.

Эти несоответствия заставляют вновь обратиться к функционированию всех трех вариантов слова (его общее происхождение от др.сканд. *vár*, “обет, клятва”, не вызывает сомнений) в русской, византийской и скандинавской традициях.

Датировка Г. Шраммом возникновения слова “варяг”, как и его деривация, вряд ли убедительны и с лингвистической, и с исторической точек зрения. Традиционная и принятая им исходная форма русского слова — *væringi* требует, в первую очередь, объяснения корневого вокализма: по мнению Г. Шрамма, заимствование состоялось до наступления в древнескандинавских языках палатальной перегласовки (-а- > -æ-), которую он, вслед за А. Коком относит ко времени до 850 г. Однако ныне считается, что это явление происходило в VI—VIII вв., и это подтверждается материалом рунических надписей первой половины VII в. (из Стентофтена, Бьёркеторпа и др.), и тогда время заимствования придется отодвинуть еще по меньшей мере на 100 лет назад, что по историческим причинам невероятно.

Думается поэтому, что наиболее распространенная этимология “варяг” < *væringi* либо требует уточнений, либо должна быть пересмотрена. Такой пересмотр был осуществлен Г. Якобссоном, и результаты его представляются убедительными. Шведский славист считает исходным для слова “варяг” производное от того же корня *vár*, но с суффиксом -ang: **warangr*⁶, при котором корневой гласный изменениям не подвергался. Хотя это слово не засвидетельствовано древнескандинавскими письменными источниками, его существование подтверждается названием *Varangerfjörðr* и его отражением в арабских источниках “варанк”. Этимология Г. Якобссона не несет, таким образом, внутренних противоречий и соответствует данным разноязычных источников. Более того, она отвечает и условиям бытования слова на Руси, в Скандинавии и в Византии.

Первым скандинавом, служившим в Византии, исландская традиция считает исландца Болли: “Мы не слышали рассказов, чтобы какой-нибудь норманн пошел на службу конунга Гарды (византийского императора — *E. M.*) раньше, чем Болли, сын Болли”⁷. Возвращение Болли из Византии после многих лет пребывания там условно датируется временем около 1030 г.

Но на самом деле Болли был далеко не первым. Действительно первые по времени викинги в Византии упомянуты в “Саге о Хравнкеле годи Фрейра”: в ней рассказывается, во-первых, о поездке в Константинополь Торкеля Светлая Прядь, сына Тьоста, который в течении 7 лет “ходил под рукой конунга Гарды”, во-вторых, о пребывании в Миклагарде мореплавателя-купца (*farmaðr*) Эйвинда Бьярнарсона, который “снискал там большое расположение греческого конунга и был там в дружине”⁸. Поездка Торкеля датируется 937—944 гг., Эйвинда — временем до 950 г.⁹

До Болли в Константинополе побывали и другие исландцы: Финнбоги Сильный, ставший дружинником императора Иона — Иоанна I Цимисхия (969—976 гг.), Грис Сэммингссон (ок. 970—980 гг.), который снискал “большой почет”, Кольскегг (вскоре после 989 г.), Гест Торхалльссон и Торстейн Стюрссон (ок. 1011 г.), Барди (между 1022 и 1025 гг.). Вскоре после 1016 г. побывал в Константинополе датча-

⁶ *Jacobsson G.* La forme originelle du nom des varègues // *Scando-Slavica*. 1954. Vol. I. P. 36—43.

⁷ *Laxdoela saga*. Cap. 73.

⁸ *Hrafnkels saga Freysgoði*. Cap. 9, 3.

⁹ *Blöndal S.* Op. cit. S. 310.

нин Эйлив Торгильссон, брат ярла Ульва¹⁰. Начиная с этого времени, сообщения о службе скандинавов в Византии насчитываются десятками: только в шведских рунических надписях XI в. их более 20¹¹. Таким образом, сообщение автора “Саги о людях из Лаксдала” ошибочно и, возможно, связано с общим “романтическим” характером этой саги.

Деятельность скандинавов в Византии до поездки Кольскегга (т.е., условно говоря, до 980-х годов) определяется в сагах разнообразными терминами, связанными с военной службой и вассальным подчинением, но только не словом “вэринги”. Торкель (дословно) “ходит под рукой” византийского императора, Эйвинд служит “в дружине” и т.д. Кольскегг был первым, кто не только “пошел на службу”, но и стал “предводителем войска вэрингов” (var höfðingi fyrir væringjarlið). “Служит в числе вэрингов” (ganga á mala með væringjum) Гест и следующие за ним десятки скандинавов. Начиная с этого времени, названия væringi и производное væringjarlið (“войско вэрингов”) будут постоянно встречаться в описаниях поездок норманнов в Византию.

Вместе с тем название “вэринги” приложимо в сагах далеко не ко всем, кто побывал в Византии: общее обозначение для купцов, паломников, а также части воинов — Grikklandsfari — “ездивший в Грецию”. Называя кого-либо “вэрингом”, авторы саг нередко добавляют, что этот человек либо служил в “войске вэрингов”, либо был дружинником (higrþafr), охранником (varðamafr), либо просто был “мужем” (mafr) византийского императора. Причем эта отнесенность их деятельности к императору подчеркивается особо.

Одновременно составители саг противопоставляют “вэрингов” и “норманнов” (обычное обозначение скандинавов). Так, уже в истории Геста и Торстейна говорится: “И таков был обычай вэрингов и норманнов, чтобы днем быть на состязаниях и заниматься борьбой”¹². Термины “вэринги” и “норманны” соотносятся, с одной стороны, как частное и общее (вэринги — это отдельная группа среди норманнов), как, например, в “Саге о битве на Хейде”: Барди “был там среди вэрингов, и все норманны ценили его”. С другой, — как в истории Геста и Торстейна (а также и ряде других), и вэринги, и норманны бесспорно служат в византийском войске и совместно участвуют в некоторых церемониях, но они различаются и подчас противопоставляются и ими самими, и на основании информации, полученной от них, авторами саг.

Сходная дифференциация содержится и в византийских источниках. С одной стороны, параллельное византийское название βάρανγοι (очевидно, заимствованное либо из др.рус. “варяг”, либо др. сканд. *warangR) относится к не очень многочисленному и привилегированному контингенту скандинавов на византийской службе — отряду телохранителей императора, императорской гвардии. С другой — в византийском войске служили и другие, более многочисленные (насчитывавшие подчас тысячи) отряды скандинавов, которые тоже именовались варангами. Видимо, различие тех и других нашло отражение в противо-

¹⁰ Дабы согласовать хронологию поездок Геста, Барди и Кольскегга с сообщением “Саги о людях из Лаксдала” о Болли как первом дружиннике в Константинополе, В.Г.Васильевский предложил датировать их 1020-ми годами. См.: *Васильевский В. Г.* Указ соч. С. 181—191. Однако ни контекст этих известий, ни хронология соответствующих саг не дают оснований для этого. См.: *Blöndal S.* Op. cit. S. 312, 315, 317

¹¹ *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1977. № 98—120 и др.

¹² *Heiðarvíga saga.* Cap. 243.

поставлении “дворцовых” и “внешних” варангов (οἱ ἐν τε πόλει βάραγγοι и οἱ ἔξω τῆς πόλεως βάραγγοι), участвовавших в восстании в царствование Никифора Вотаниата (1078 — 1081 гг.)¹³. Различает два контингента варангов и Пселл: первый он определяет как “ту часть наемническую, которая обыкновенно принимает участие в царских выходах”, второй — как союзнический корпус¹⁴.

Можно предполагать, что противопоставление вэрингов норманнам в сагах жидется на той же самой основе: вэринги — это соответствующая “дворцовым” варангам Скилицы особая, пользующаяся привилегиями и находящаяся в особой близости к императору часть скандинавских наемников. Не случайно так часты упоминания византийских василевсов в сагах, называемых в общей форме или по имени в связи с вэрингами (достаточно сказать, что саги знают едва ли не большее число византийских императоров, нежели древнерусских князей). Норманны же — это “внешние” варанги, союзнические отряды в составе полевой армии.

Строгая отнесенность термина “вэринги” в скандинавских источниках к отряду императорских телохранителей объясняет, почему скандинавы, служившие в византийском войске и принимавшие участие в различных военных действиях Византии до конца X в., не называются этим термином — лишь после создания “варяжского корпуса” как императорской гвардии, заменившего армянских телохранителей, видимо, где-то около 980 г. (что перекликается с отправлением отряда варягов к византийскому императору Владимиром), появляется специальное обозначение этой части скандинавов, которое проникает затем в Скандинавию вместе с возвращающимися варангами.

Лишь в двух случаях вэринги упоминаются применительно к Руси, но эти случаи не могут поставить под сомнение однозначность понимания этого слова в Скандинавии. В одном из чудес св. Олава, действие которого происходит в Новгороде, его героем является “некий варинг на Руси” (*varingus quidam in Ruscia*)¹⁵. Есть достаточно оснований полагать, что эта новелла сложилась в Новгороде в среде прихожан и клира церкви св. Олава и испытала влияние местного новгородского словоупотребления¹⁶. Поэтому слово *varingus*, отражающее скорее древнерусское “варяг”, нежели древнескандинавское *væringi*, использовано здесь, вероятно, в том значении, которое оно имело на русской почве. Возможно, несоответствие со скандинавским словоупотреблением и заставило автора новеллы специально оговорить пребывание вэринга на Руси. В другом случае герой вступает на службу на Руси и находится там “вместе с вэрингами”¹⁷. Примечательно, однако, что далее сообщается, что “все норманны ценили его”, т. е. вэринги и норманны противопоставлены друг другу. Если бы слово “вэринги” обозначало всех скандинавов на русской службе, то основы для этого противопоставления не существовало бы. Приезд Барди на Русь датируется 1020-ми годами, т. е. тем временем, когда “варяжская гвардия” уже существовала. Основным путем в Византию для скандинавов была Восточная Европа, путь “из варяг в греки”, причем нередко на пути в Византию или обратно скандинавы задерживались на Руси в дружинах русских князей. Не этих ли скандинавов, уже

¹³ *Blöndal S. Op. cit. S. 92.*

¹⁴ *Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 217.*

¹⁵ *Monumenta historiae Norwegiae Udg. G. Storm. Kristiania, 1888. S. 143.*

¹⁶ *Мельникова Е. А. Култ св. Олава на Руси и в Византии // ВВ. 1996. Т. 56. С. 92—106.*

¹⁷ *Heiðarvíga saga. Cap. 40.*

побывавших в императорской гвардии в Константинополе, называет здесь сага вэрингами — в полном соответствии с традицией — в противоположность всем остальным норманнам, находившимся в тот момент на русской службе?

Таким образом, представляется, что в скандинавской письменности термин “вэринги” однозначно приложим только к скандинавским наемникам, служившим в “варяжском корпусе” в Византии — привилегированном отряде императорских телохранителей, — и первоначально не распространялся на другие группы скандинавов в византийской армии или на Руси. Узкая специализация термина и его однозначность позволяют предположить, что он вошел в употребление в Скандинавии лишь после создания “варяжского корпуса” и одновременно с появлением византийского названия того же института — “варанги”. Иностранность и позднее происхождение древнескандинавского названия нашли косвенное отражение в одной из редакций “Саги о Харальде Суровом Правителе” (по рукописи *Flateyjarbók*), где говорится о положении в Константинополе перед приходом Харальда: “И было там множество норманнов, которых они (византийцы. — *Е. М.*) называют вэрингами”¹⁸. Подобное противопоставление двух наименований, местного и заимствованного, широко распространено в древнескандинавской литературе.

Позднее формирование терминов варанг/вэринг в Византии и Скандинавии указывает на то, что он возник не в самой Скандинавии и не в Византии, а на Руси, причем в скандинавской среде, т.е. той, где говорили на древнескандинавском языке¹⁹. Обстоятельства (но не время) его возникновения восстанавливаются на основе рассказа летописи: князь Игорь, не рассчитывая на силы только что разгромленной греками Руси, призывает в 944 г. из-за моря скандинавов. Заключение договора с наемниками, определявшего условия их службы²⁰, могло вызвать к жизни их название *warang от *vár* — “верность, обет, клятва”.

В собственно русской средневековой традиции этот термин закрепился как обозначение скандинавов, отличных от руси — княжеской дружины, призванной по ряду: это различие руси и варягов прослеживается уже в описании призвания князей в “Повести временных лет” и перерастает в дальнейшем в противопоставление тех и других²¹. В отличие от ряда, который был заключен между русью и славянской знатью при Рюрике и закреплён в Киеве “уставом” Олега, договорные (клятвенные) отношения руси и варягов не были столь актуальны для славянского окружения: варяги остаются чужаками, выходцами из-за моря, идущими по пути “из варяг в греки” и частично оседающими на Руси. Поэтому термин “варяг”, воспринятый славянами от скандинавов, лишился в славянской традиции социального смысла и стал обозначать просто выходцев из скандинавских стран, приобрел значение собирательного этнонима.

В древнескандинавских языках, напротив, специальное обозначение скандинавов, служивших на Руси в соответствии с договором, не было актуальным. Положение варягов было важным лишь во время их пребывания на Руси. Но эта

¹⁸ *Flateyjarbók* / Ed. S. Nordal. Akranes, 1945. B. IV. S. 60.

¹⁹ Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М., 1984. С. 65—68.

²⁰ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. “Ряд” легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. 1990 год. М., 1991. С. 219—229.

²¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X—XI вв.: к истории названия *варяг* // Славяноведение, 1994. № 2.

группа не обладала какими-либо специальными отличиями или привилегиями, принадлежность к ней не влияла на социальный статус или престиж возвращавшегося из Руси скандинава. Статус варяга ничем не отличался в глазах скандинавского общества от статуса норманна, побывавшего на службе в Англии или Франции. Их общим обозначением внутри общества было “викинг”. Рунические надписи и саги отмечают лишь такие “факты биографии” викингов, как высокий социальный статус в войске (“Он пал в битве на востоке в Гардах, вождь войска”), который, видимо, соответствовал положению этого человека на родине, приобретенное богатство (он “нажил богатство на востоке в Гардах”), особые почести, оказываемые при дворе князя²². Различение тех, кто заслужил эти преимущества, состоя на службе по договору, и тех, кто действовал на свой страх и риск, было для скандинавского общества несущественным. Поэтому специальный термин, узколокальный, если и достиг Скандинавии, не закрепился в языке и не нашел отражения в письменных памятниках.

Иным оказалось положение той части скандинавов, которая составила императорскую гвардию, причем именно гвардию, а не входила в состав регулярного войска в Византии. Служба в ней сама по себе являлась высоко престижной, позволяла накопить большое богатство, т. е. существенно влияла на социальный статус возвращавшегося с этой службы норманна. В этих условиях название *warangR>“варяг” воспринимается византийцами в форме βάρανγοι как обозначение скандинавских телохранителей императора и затем распространяется и на “внешних” варангов, скандинавов в византийском регулярном войска. Оно актуализируется и в самом скандинавском обществе благодаря социальному значению информации, приносимой возвращающимися из Византии варангами, и получает отражение в письменных источниках.

При этом скандинавская форма слова трансформируется: архаичный и мало употребительный суффикс -ang заменяется продуктивным и близким по смыслу суффиксом -ing, что закономерно вызывает палатальную перегласовку корневого гласного и приводит к возникновению засвидетельствованной сагами и другими письменными текстами формы væringi.

Таким образом, предложенная реконструкция истории слова *warangR — варяг — βάρανγοι — væringi объясняет существующие несоответствия в его употреблении в различных историко-культурных традициях — древнерусской, византийской, древнескандинавской. Более того, на Руси, в Византии и в Скандинавии этот, казалось бы, один термин имеет разные значения, отражая различные явления и изменения социально-исторических условий деятельности скандинавов в каждом из трех регионов.

---

²² Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. № 48, 63.